

Материалы Круглого стола

DOI: 10.18721/JHSS.12201
УДК 32.019.5

«ФЕЙКИ» – ЛЮДИ ИЛИ ТЕКСТЫ? МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА¹

С.Т. Золян

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
г. Калининград, Российская Федерация

Фейки стали одной из наиболее актуальных проблема социальной и политической коммуникации. В данном случае обсуждаются ее логико-семантические и прагмасемантические аспекты. Это позволяет привлечь теоретический аппарат современной философии языка, теории речевых актов и модальной семантики. Благодаря этому становится возможным отграничить данное явление от смежных, а также предложить новые теоретические подходы, имеющее также и практическое применение. Участники обсуждения приходят к выводу, что несмотря на распространенное мнение, фейковость не связана непосредственно с критерием истинности. Это явление лежит скорее в сфере прагматики, связана не столько с содержанием высказывания, сколько с теми намерениями, которые адресат приписывает адресанту. Применительно к конкретным проявлениям фейковости можно выделить, какие типы отношений между компонентами речевого акта оказываются сдвинутыми относительно некоторой стандартной конвенциональной модели – это может быть как содержание сообщения, так и модальности, цепочки говорящих, канал передачи, даже место высказывания, вплоть до самого адресата. В этих сдвигах участники обсуждения видят истоки фейковости.

Ключевые слова: фейки, прагматика, семантика, масс-медиа, теория речевых актов, контекст, условия и критерии истинности, авторство, дезинформация.

Ссылка при цитировании: Золян С.Т. «Фейки» – люди или тексты? Материалы круглого стола // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. Т. 12. № 2. С. 7–32. DOI: 10.18721/JHSS.12201

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

“FAKES” – PEOPLE OR TEXTS? ROUND TABLE DISCUSSION

S.T. Zolyan

Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation

Fakes have become one of the most acute problems of social and political communication. We discuss its logical-semantic and pragmasemantic aspects. It allows us to draw on the theoretical apparatus of modern philosophy of language, the theory of speech acts, and modal semantics. This makes it possible to distinguish this phenomenon from adjacent ones and propose new theoretical approaches that also have practical application. The participants in the discussion concluded that despite popular belief, fakeness is not directly related to the criterion of truth. This phenomenon lies in pragmatics, it is

¹ Круглый стол был организован в рамках поддержанного РНФ проекта № 18-18-00442, «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках (применительно к авто- и мета-репрезентациям «себя» и «другого» в социальной и политической коммуникации)», осуществляемого в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Светлогорск, 8 июля; 20 ноября 2019 г.). Материалы дискуссии подготовлены Татьяной Белецкой, общая редакция – Сурена Золяна и Григория Тульчинского. В дискуссии участвовали: Т.В. Белецкая, С.Т. Золян, М.В. Ильин, С.Ю. Куликов, В.Э. Согомонян, А.А. Тесля, Г.Л. Тульчинский, В.Е. Чернявская.

connected not so much with the content of the utterance as with those intentions that the addressee attributes to the addressant. Concerning specific manifestations of fakeness, it is possible to distinguish which types of relations between the components of a speech act are shifted in regard to some standard conventional model – this can be both the content of the message and modality, a chain of speakers, a transmission channel, even a place of expression, and an addressee himself. The participants of the discussion considered that these shifts cause phenomena of fakeness.

Keywords: fakes, pragmatics, semantics, mass media, theory of speech acts, context, conditions and criteria of truth, authorship, disinformation.

Citation: S.T. Zolyan, “Fakes” – people or texts? Round table discussion, Society. Communication. Education, 12 (2) (2021) 7–32. DOI: 10.18721/JHSS.12201

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

Зоян С.Т. Коллеги, поскольку тема фейков необъятна, попробуем очертить рамки нашей дискуссии. Мы попытаемся рассмотреть фейки как логико-семантическое и прагмасемантическое явление. Начнем с самых простых допущений. Если под фейком понимать нечто ложное, несоответствующее действительности, то фейки можно определить как высказывания, не соответствующие истине. Но даже в этом случае оказывается возможны три определения фейковости – в зависимости от того, какую из трех концепций истинности мы выберем: корреспондентную, согласно которой истинность высказывания определяется соответствием действительности, или – когерентную, в которой определяющим фактором оказывается непротиворечивость и соответствие формам определённого дискурса. И, наконец, есть прагматическая теория истины, согласно которой истина то, что, согласуясь с практикой, в данном случае приносит нам выгоду, или, по крайней мере, помогает выжить. Разумеется, на основе этих трех основных подходов возможны различные варианты. На основе каждой из этих концепций истины можно дать определение фейковости: это несоответствие действительности, несоответствие дискурса и несоответствие тому, что нам выгодно. Это, если связывать фейковость с содержанием информации. Заметим, что второй и тем более третий подходы релятивизируют само понятие истины, поэтому, в рамках этих концепций, не может быть независимой от контекста универсальной и единственной истины. Место истины занимают различные «правды» и даже «постправды». Безусловно, это сильно подрывает возможность найти универсальное определение фейковости: если нет универсального определения истинности, то не может быть и подобного определения ложности.

Ситуация становится еще более сложнее, если учитывать, что фейковость распространяется не только на содержание сообщения, но и на фактор отправителя (автора, адресата, говорящего). К фейковости приводит также и несоответствие между тем, кто есть реальный автор высказывания, и кому оно приписано. Казалось бы, это логичная схема, но она оказывается неадекватной для определения явления фейковости. Проблема в том, что существует огромное количество текстов, в которых все эти несоответствия наличествуют, но мы их фейками не считаем. Стало быть, есть некоторые дополнительные характеристики, по которым принято выделять фейки. Авторство непосредственно связано с каналом передачи информации, и здесь с незапамятных времен существует разграничение между каналами, внушающими доверие и таковыми не являющимися.

Таким образом, уже в первом приближении мы выделяем три группы факторов несоответствия; они связаны с содержанием информации, отправителем сообщения и каналом.

Белецкая Т.В.: У меня вопрос для понимания, ставим ли мы знак равенства между ложью и фейковостью?

Зоян С.Т.: Это и есть вопрос, который нам предстоит рассмотреть. Очевидно, что не всякая ложь есть фейк. Например, когда подсудимый пытается обмануть суд, а политик – избирателей, мы назовем это ложью, но не фейком. Не назовем фейком ни лжесвидетельство, ни самого

лжеисвидетеля – а именно так, как их и принято называть: лжеисвидетельством и лжеисвидетелем. Я бы вопрос поставил так: какие дополнительные условия требуются, чтобы некоторое сообщение или его отправитель были признаны «фейками»? Заметим, что это крайне важно и с практической точки зрения, поскольку связано с попытками правового регулирования этой проблемы. Во всём мире идёт борьба с фейками, и все пытаются издать законы, которые их запрещают, но при этом непонятно, а что же такое «фейк». В Армении в 2019 г. дело дошло до того, что Премьер поручил главе службы нацбезопасности бороться с фейками, имея в виду адресантов, на что тот ответил, что по закону он может бороться не с фейками, а с высказываниями, которые разжигают ненависть, рознь и прочие запрещенные темы, независимо от того стоит за этим реальный автор или же фейк. А то получалось, что все, что не соответствует официальному дискурсу, должно рассматриваться как фейк, поскольку есть клевета и попытка опорочить действующую власть.

Примерно такие же дебаты ведутся и относительно фейков применительно к российскому законодательству. Но, как видим, никому пока в голову не приходило ввести уголовную ответственность за распространение ложных высказываний. Чтобы назвать фейк ложью, нам потребуется занять позицию субъекта, который знает, что такое истина, или по крайней мере, способен определить истинностное значение предъявляемых ему высказываний. Но даже если предположить наличие подобного субъекта, вопрос упирается в самую суть речевого акта, поскольку интуитивно ясно, то определяющим для фейковости оказывается некоторое нарушенное отношение между, с одной стороны, содержанием сообщения и его отправителем (кто и что может распространять), с другой – отношения между отправителем сообщения и его интенциями и пропозициональными установками (например, соответствие содержание тому, что отправитель считает истинным – почему и уголовному преследованию подлежит распространению заведомо ложных сведений). Но что значит «заведомо» – не подпадут ли под эту статью все писатели?

Подобно понятию истины (даже если мы ограничиваемся истинностью как характеристикой высказывания), понятие говорящего речевого акта также многослойно – между собственно высказыванием и его производителем может стоять цепочка передатчиков. Определенные сдвиги в этой цепочки могут приводить к фейковости, но и здесь следует отличать сдвиги, приводящие к фейковости, и те, которые вызывают иной эффект (ср. с модификацией применительно к художественному дискурсу модели речевого акта в [1]). Не случайно, что под фейками понимают не только сами «несоответствующие» сообщения, но и их производителя. Так что фейки – это не только тексты, но и люди, когда возникает разрыв между тем индивидом, кто реально производит высказывание, и тем лицом, кому оно приписывается. Возможность подобного раздвоения на автора и тему высказывания заложена в самой структуре речевого акта, она наличествует в любом высказывании от первого лица. «Я₁ говорю, что Я₂ был на концерте», где первое «я» – это говорящий, второе «я» – тема высказывания. Предполагается тождество между субъектом и темой: я-тот-который-говорю есть тот-который-был-на-концерте. Первое «я» – автор высказывания, второе – его тема. Нарушение этого тождества ведет ко лжи (Я₁ не был вчера на концерте), почему этот случай можно считать примером фейковой новости.

Однако не все подобные сдвиги приводят ко лжи. Уже в структуре высказывания заложено возможное несоответствие между двумя этими «Я». Это может обыгрываться в художественных произведениях: напр., «Я убит подо Ржевом» Твардовского. Естественно, что если я убит подо Ржевом, то я вам не могу сейчас говорить об этом. В речевом акте возможно расщепление собственно говорящего и повествователя, собственно говорящего и автора (в случае цитации – Я, Сурен Золян, высказываю то, что ранее сказал Твардовский). Подобные ситуации часто используются в художественной литературе. Например, авторства Пушкина в «Повестях Белкина». – Пушкин (якобы) только публикует написанное Белкиным; в свою очередь, Белкин передает авторство рассказчикам, от которых он якобы слышал эти рассказы. Выстраивается целая цепочка

говорящих, но это не приводит к фейковости. От вымышленных рассказчиков отличен случай псевдонима — само слово показывает, что используется ложное имя, но это так же явление не принято рассматривать как фейк, подробнее см. в: [2].

Возможны искажения и при передаче чужого слова, когда нарушается соответствие между авторством и содержанием высказывания. Например, я читаю студентам лекцию о системности языка, воспроизвожу сказанное Соссюром, но говорю от своего имени. Или обратный случай: во время этой лекции приписываю Соссюру высказывания, которые он не говорил. Становлюсь ли я в этих случаях фейком? Подобные случаи могут быть названы «плагиатом», могут — «отсебятиной», но вряд ли их назовут фейками. Между тем, рассказ о событиях, относительно которых говорящий не был очевидцем, всегда есть пересказ — пусть даже на это не указывается в самом высказывании. «Волга впадает в Каспийское море» — сам я этого не видел, но воспроизвожу сказанное кем-то, кого я не знаю.

Итак, несоответствие цепочки говорящих и сказанного — также может приводить, но не всегда приводит к фейковости. Цепочка передатчиков — это еще и канал, по которому передается сообщение. Часто, и не только в романах про двойных шпионов, достоверность сообщения оценивается в соответствии с тем, по какому каналу оно получено, авторитетность канала оказывается существеннее и содержания, и его авторства. Возникают особые маркеры коммуникации, призванные удостоверять аутентичность и достоверность сообщения. Например, письменное сообщение в противоположность устному, напечатанное и подписанное, в отличие от анонимного, наличие печати и т. п.

Само понятие текста в его социо-культурном измерении может быть поставлено в зависимость от достоверности — все недостоверное, пусть даже и при наличии лингвистических характеристик текстуальности, функционирует не как текст, а именно как не-текст (например, анонимка) — (см. [3]), что непосредственно приводит к разграничению между восприятием сообщения как подлежащего игнорированию фейка или же как влекущего коммуникативные обязательства текста.

Ситуация еще более усложнится, если будет введено понятие модальности. То, что позволено автору-новеллисту, не позволено автору-хроникеру. Есть сферы, где можно писать о возможных ситуациях, и где это не позволено, как в знаменитом определении Аристотеля — историк рассказывает о происшедшем, поэт — о том, что могло бы произойти. [4]. В каких случаях, говоря о социальном воображаемом, мы не попадаем в зону фейковости? В конце концов, возможно, в духе Льва Толстого или Карла Маркса, объявить государственные институты ложными и результатами «ложного сознания». С другой стороны, «потемкинские деревни» при всей своей «фейковости» были реальными материальными объектами, знаками настоящих деревень.

И, наконец, это понятие контекста. Когерентная и прагматические концепции истины предполагают контекстуализацию, которая, очевидно, может быть должной или же внеположной предполагаемой. Соответственно, коммуникативный контекст предполагает отправителя сообщения, его получателя и канал связи. Все эти факторы объединяются в понятии контекста.

Я склоняюсь к тому, что решение поставленного выше вопроса лежит не в попытках определить должное или недолжное содержание, или же искаженное отношение между автором высказывания, его коммуникативными обязательствами, и содержанием высказывания. Понятие должной или недолжной контекстуализации позволяет объединить все эти группы факторов. В этом отношении фейки можно сравнить с сорняками — это растение, но выросшее не там, где мы ему определили расти: не в поле, а в моем огороде. Когда я со своим уставом иду в чужой монастырь, то либо, этот устав просто не смогут прочесть, и это не будет функционировать как текст, либо же прочитают, но уже с точки зрения соответствия своему уставу.

Тулчинский Г.Л.: В конечном счёте, у нас возникает вопрос достоверности. Фейк — это якобы нечто недостоверное. С другой стороны, всплывают и вопросы о том, что фейк может быть соответствующим и несоответствующим цели, контексту использования.

В этой связи у меня есть несколько уточнений по поводу истины. На самом деле концепций истины гораздо больше. Мы со студентами иногда играем, отвечая на вопрос: «Что есть истина?». Истина — это есть «естина», это то, что есть. То, что есть, то и есть истина. А как мы узнаем, что что-то есть? Если некое высказывание соответствует некой реальности. Высказывание соответствует некой реальности — это теория отражения, или по-зарубежному корреспондентная теория истины. Но тогда возникает вопрос, что такое реальность, которой высказывание должно корреспондировать, или соответствовать, отражать ее? Откуда мы знаем — что такое реальность?

Что такое реальность, мы знаем на основе каких-то предваряющих знаний. В этом случае любой язык описания, в конечном счёте, будет теоретически нагружен. Мы слышим какие-то потрескивания, а кто-то в этом слышит уровень радиации. Это зависит, скажем условно, от уровня теоретических знаний, которые применяются к описанию реальности. Мы можем её не видеть, а ученый, специалист видит эту реальность. Покажи нам некие фотографии, мы скажем, что это какие-то пятна, а студент-физик скажет, что это фотография из камеры Вильсона, а продвинутый физик скажет, что тут показана траектория движения нейтрино, он её видит. Это все зависит от теоретической нагруженности описания. Мы приходим к врачу и говорим — болит вот-тут и болит так-то. А врач уже начинает писать диагноз конкретной болезни, расстройства конкретных органов.

Тогда получается, что истина — это то, что соответствует каким-то знаниям. И это будет когерентная теория истины. Когерентность — это соответствие некоему уже имеющемуся корпусу знаний, тогда истина — это то, что не противоречит конкретному знанию, теории. А это уже и логическая теория истины: истина — то, что не противоречит имеющимся знаниям как системе. Дальше получается прагматическая теория истины, потому что работает и приносит пользу то, что непротиворечиво, потому что из противоречивого знания ты не можешь получить схему работающей машины, алгоритма не получается. А это будет уже соответствие некой установке, некой цели данного алгоритма, и тогда истинным будет то, что соответствует цели, соответствует некой ценности. Это уже Гегель, у которого истина — это не то что соответствует реальности, а это то, когда сама реальность соответствует некой идее. И в конечном счёте, наиболее ценностным выражением истины является индивидуальное знание в духе «аз есмь истина», и у каждого своя точка зрения.

Я сейчас эскизно обрисовал траекторию трансформации теории истины, когда вроде бы из предельной объективности она переходит в предельную субъективность. Это я возвращаюсь к той идее, о которой говорил до этого, согласно которой смысл и в том числе представления об истине — это есть выражение жалкого конечного существа, каковым является человек, которому недоступно бесконечное разнообразие мира, и поэтому оно пытается постичь этот мир всегда и неизбежно — с какой-то точки зрения, с какой-то позиции, в каком-то ракурсе, в каких-то целях, в каком-то смысле. Это первый момент.

Получается, что нас может интересовать не проблема истинности и достоверности, а нам нужно признать, что есть разные концепции истины — и их больше, чем три. И нас скорее интересуют текстовые способы смыслообразования уникального неповторимого представления какого-то якобы достоверного знания.

Второе — относительно проблемы авторства возникает масса проблем. Позволю себе тему немного переформатировать, так как понятие авторства на самом деле намного шире. Возьмем высказывание «я был в театре». Во-первых, я или не я? — истина, ложь и неопределённость. Был — как? Возможно я был спокоен или взвинчен, голоден или спьяну, я был ещё как-то. Дальше — есть или нет, связка может отрицаться или утверждаться, и там тоже возможен момент неопределённости. И предикативная часть: я был или не был в театре, не в театре, а где-то ещё, не в театре, а в бане. И там комбинатно подразумевается, что этих значений — истина, ложь, неопределённость — их получается на порядок больше. Поэтому о достоверности и о критериях этой достоверности можно и нужно говорить отдельно.

Но вот последний вопрос, что может быть все установлено как регламентация, по крайней мере, какой-то части... Был же пример, когда в программу загрузили какие-то данные по химии, и получили на выходе чуть ли не таблицу Менделеева и ещё что-то совершенно нетривиальное, что научное сообщество не признало. Получается, что относительно фейковости решает некое сообщество, которое договорилась это понимать вот так и не иначе. Эта ситуация в науке постоянно воспроизводится и усугубляется.

Поэтому, если нужно определение, то фейковость — это то, что не признается авторитетным сообществом.

Зоян С.Т.: Я хотел бы дополнить, что у проблемы достоверности может быть еще один аспект: качества информации. Я общался с коллегой из Белоруссии, который занимается, казалось бы, достаточно специализированной областью, предполагающей строгий контроль над достоверностью информации: автоматизированным поиском информации по космической георазведке. По его словам, информация в этой области растет поистине в космических масштабах, и из них примерно 95% публикаций он называет фейковыми, потому что всё повторяется, может быть, по тому же блокчейну, создавая видимость науки. На самом деле там нет плагиата, но там и нету новых результатов, это просто перетекание из пустого в порожнее, потому что соответствует общепринятым стандартам. И он называл 95% этих статей фейковостью не потому, что там что-то неправильно написано, а потому, что они ничего нового не дают, это только затрудняет работу, поскольку дойти до важных 5% оказывается сложнее. Здесь я не вижу решения, но я бы хотел, чтобы вы отреагировали на его точку зрения. Что он называет фейками? Ими он называет какую-то систему, где взаимно я тебя признаю, и ты меня признаешь, и мы оба уважаемые люди. Я не знаю, станет ли мнение моего коллеги принятым для определения фейков, но его логику я понять могу: канал предполагает претензии на научное открытие (если статья печатается в научном издании), но они оказываются сфальсифицированными: создается видимость открытия. Если ситуацию свести к исходной, ситуации речевого акта, то фейковость можно усмотреть именно в перформативе говорения: «Я сейчас говорю + то, что я сейчас скажу, есть научное открытие» [5].

Тесля А.А.: Возможно, имеет смысл отвлечься от современных реалий и рассмотреть проблему в исторической перспективе. С близкой мне перспективы XIX века, выделю несколько моментов, представляющихся значимыми в контексте нашего разговора. А именно, во-первых, это сам статус печатного слова, само его восприятие, дистанцированность. Во-вторых, вопрос о субъектах — тех, кто с этим словом работает, то, чего от него ждут — и те, кто воспринимает, и те, кто создают тексты (и здесь уже третий интересный аспект — возникающей на переключении ролей, ведь один и тот же субъект является одновременно и потребителем, и производителем).

То есть, когда мы говорим о фейке, мне кажется очень важный момент — это не столько сам эффект ложности, неверности сообщения, специальной подмены, искажения информации и так далее. Всё это мы найдём действительно универсальным. Мы найдём разные способы высказывания, разные способы работы с информацией и, если мы обратимся к тому же самому XIX веку, мы найдём и на русском материале, и, например, на французском, или на английском массу историй про журналистику, про работу журналиста и так далее. Но, при всём при том, там ведь ключевое на чём работает (мне кажется, что это очень верно), чем порождается эффект — это установка на объективность и достоверность. То есть другими словами там это работает не в смысле, что сам журналист соответствует этим критериям. Речь идёт о том, что само сообщение, сам текст функционирует, как долженствующий соответствовать этим представлениям, либо мы его не читаем, либо данное издание утрачивает репутацию.

И в свете этого мне представляется, очень важный феномен фейковости — это то, что для того, кто потребляет, для нас, как читателей, например, и, соответственно, то, что меняет радикально условия для производителя — это то, что мы читаем, одновременно не имея не просто уверенности в достоверности и объективности, но заранее воспринимая этот источник в том числе, как

источник, например, fake news. Что не мешает нам по-прежнему обращаться к нему, не мешает нам одновременно, например, иметь к данному изданию и недоверие – и не просто недоверие, а представление о том, что оно не имеет вообще никакого отношения к реальности. Но при этом одновременно тут же работать с этим, как с некой информацией что-то сообщаемой нам, и отсылать другому, и на этом строить некие свои нарративы уже, в том числе выстраивать сложные нарративные конструкции.

Мне кажется, что вот тут водораздел. Когда мы вообще говорим о феномене фейковости, то это не история про универсальные вещи: про манипуляцию, про искажения, про использования. Это гораздо больше не про того, кто создает сообщения, а про получателей и ситуацию. То есть, мне кажется, фейк – это история, которая возникает исключительно в коммуникации, взаимодействии. Это то, где важен и отправитель, и получатель, и, соответственно, реакция самого получателя в первую очередь, где он не исходит из того, что нечто заведомо не воспринимаемое им, как претендующее на достоверность и объективность, при этом отказывается... То есть, обратите внимание, оно не претендует точно на достоверность и объективность и, при всём при том, оно не перестаёт функционировать как новости. Оно не перестаёт функционировать как источник неких представлений о реальности, и вот тут, мне думается, очень важный другой выход, если мы говорим уже о совсем поздней модерности. Это то, что у нас происходит со статусом реальности. И здесь тот факт, что фейки работают – это не проблема получателя, а, наоборот, мне кажется, весьма трезвое обращение с информацией – поскольку это остается информацией, и поскольку у нас трансформируется само представление о реальности.

Если мы говорим о материалах XIX века, то там как раз реальность совпадает с объективностью и достоверностью. Здесь, если угодно, реальность многослойна. В реальность входит, в том числе, и представления, и слухи, и то, как другие желают нам показать, предположим, то или иное событие, и, соответственно, то, как мы реагируем на абсолютно вымышленную новость, или на абсолютно вымышленные события, или описание этого события. Это не обязательно история про то, что мы думаем, что это верно, что это истинная повествование. Мы исходим из того, что данное сообщение само по себе тоже является частью реальности. Вот этот способ, например, придумывать события, да, и то, что это событие оказывается здесь придуманным, оно тоже часть вот той коммуникативной реальности и той социальной реальности, в которой мы действуем.

Поэтому, мне кажется, это дает очень важный переход в рамках жёстких онтологий XIX века: если данное сообщение не соответствует реальности, то оно вообще не имеет статуса реальности – то есть мы вообще его вывели, вообще его не обсуждаем, потому что оно не имеет отношения к действительному ходу вещей. А здесь, в поздней модерности, оказывается, что оно не соответствует вроде бы объективной информации, но при этом оно тоже реальность. И работа наша с fake-news, и наша реакция не является сбоем, не является для нас ошибкой. Более того, нам во многом будет вполне резонно реагировать независимо от того, каково его отношение к объективности, независимо того, как мы понимаем объективность, потому что, как бы мы не понимали объективность, нам будет излишними трудозатратами в действительности разбираться, является ли это сообщение достоверным, потому что мы реагируем на него, как на событие в рамках коммуникации и, следовательно, если мы начнём откатывать его назад, искать первоисточник, собственно говоря... А зачем? Неважно объективно были ли дела так, как говорится, или нет, мы реагируем на новостное сообщение, а не на то, насколько это новостное сообщение достоверно.

Чернявская В.Е.: Но ключевой вопрос: откуда вы знаете и как мы все хотим и можем доказать, что мы реагируем так, а не по-другому?

Тесля А.А.: Естественно, можно доказать это. Понятно, что здесь у нас не количественная, а качественная социология. Можно показать, например, как по этого рода моделям обращаются с сообщениями на Facebook: когда достаточно вроде бы уважаемые пользователи, для которых по идее важна репутация, тем не менее, вполне свободно апеллируют как к реальным сообщениям

ми, так и к фейками — не на уровне утверждения о том, что это действительно повествование о реальности. В данном случае, поскольку речь идет о лидерах общественного мнения, то если они действуют подобным образом, и, если мы имеем дело с ситуацией, когда указывается, что данное сообщение является, вообще-то говоря, не соответствующим объективности, то реакция соответствующего лидера общественного мнения — это индикатор. Отсылка к «фейку» не означает, что данное сообщение принимается за «верное», «истинное» (это опционально), а за «значимое», «показательное» — то есть данное конкретное утверждение фактически является (и признается) неверным, но одновременно его появление утверждается как подтверждающее наличную картину мира, свидетельствующее о ее верности. Здесь оказывается важен именно *ряд* новостей — истинных, ложных, подтвержденных и опровергнутых — сам их массив прочитывается как свидетельство истинности того, о чем они сообщают — истинности не на уровне фактического утверждения, а что «подобное случается» (даже если именно вот это, конкретное — не произошло).

Ильин М.В.: Как мне представляется, понятие фейковости — это очень новое явление. Оно совершенно не применимо к прежним контекстам. Еще до того как мы начали обсуждение, Сурен задал вопрос о том, что не было ли фейков в древнем Риме или ещё где-то и когда-то. Вот я думаю, что не было. Возьмите многие важнейшие документы, которые просто фундаментальную роль сыграли и продолжают играть, между прочим, например, в политике, в искусстве, в истории, и которые мы, казалось бы, должны были бы назвать фейковым. Например, Константинов дар. А на самом деле они более чем достоверные и более чем фундаментальные. На деле вся римская иерархия, папа с его Ватиканом и так далее, не могут существовать без Константинова даром. Такой документ просто должен был существовать с точки зрения высшей логики западного христианства. Пришлось подделать. Однако подделку признали аутентичной. Даже когда дотошные филологи и выявили подделку, это не поколебало ни канонического права, ни структуры вселенской (католической) церкви.

Более того, давайте посмотрим с этой точки зрения хотя бы на политику только. Возникают новые европейские нации — так там полно подобных «подделок»! Там большая часть документов, исторических якобы, вся поддельная. Причём есть документы и западноевропейские, и другие. Есть и XVII век, и XVI и ранее. А новые нации, которые возникают в Восточной Европе, например, там подделки вплоть до XIX века. На самом деле интересно, что если первый случай, то это какие-то сакральные авторитеты, а вот дальше уже не сакральные, но все-таки авторитеты. Дальше начинается очень естественное явление под названием политическая традиция. В основе обычное право, от которого никаких документов не осталось, только привычки и конвенции. Но их же нужно подтвердить, например, документально зафиксировать, что исконные права каких-то сословий или ещё кого-то были дарованы властителями. Ну, есть эти исконные права, это же факт, что они есть, это идёт от жизни. Они существуют. А как мы докажем, что они существуют? Приходится кому-то быстренько сострелять документ.

Мне очень понравилось то, с чего начал Григорий Львович, с истины. Но истина, увы, не «естина» П.А. Флоренского [6], хотя очень красиво было бы. Это просто индекс, указание на бесспорное наличие. В слове *истина* этимологически зафиксировано указание: вот это, то самое, наличное, образованное слиянием предлога *из* и глагола *стѣ*, т. е. стоять, находиться. Не будем, однако, уходить в этимологию, а зафиксируем, что это индексальный знак. А из него вырастет сначала социальная индексальность, а затем и всякие философские, религиозные и научные смыслы.

Если истина — это некое наличие в совершенно первичном смысле или уже после многих преобразований, это наличие уже высшим авторитетом демонстрируемое, то уже неважно, как и за счет чего подтверждается. Важно, что бесспорное наличие. Как это наличие можно себе представить? Вот туда начинают добавляться разные модальности. Сначала добавляются простые модальности, вроде может или не может быть наличным. Например, хочу я, чтобы это могло быть

наличным, или не хочу. И потом все больше и больше этих модальностей, получается, пока не начинается игра с модальностями. В конечном счете, игра с модальностями может привести к оспариванию оснований и самого первичного наличия, то есть истины.

Что, Сурен сказал по поводу того, что фейк ничего нового не дает, потому что все это – то же самое. Это Сурен совершенно точно сказал. Фейк – это действительно нечто наличное, но не как бесспорное начало, а как результат, создаваемый в ходе последнего словоупотребления или мемоупотребления автором и его со-творческой аудиторией. Вот он фейк и появился. Мы здесь и сейчас нарастили цепочку модальностей, а она увела нас к иному никогда и не существовавшему началу. Вспомните Константинов дар. Начало – то, что налично, оказалось дискредитировано и подменено иным очевидным наличием. Исходная логика дискурса и рассуждения была обусловлена тем, что все эти модальности сработают правильно и для автора высказывания, и для его аудитории. Однако есть разница. Нюанс, но важный. И создатели, и все жители Христианской Республики (*Respublica Christiana*) жили и мыслили в логике условного иконописца, который изображал вечный образец, а не преходящее. Вот этот наличный образец («из стоящей», *из + сть*, безусловной вечности) просто самоутверждается. А что в случае фейка? Это игра, имитация подобного хода. Никто в безусловность вечности уже не верит. Все создается здесь и сейчас. Притворяющийся авторитетом пользователь предъявляет аудитории фрейм, мем, что угодно, а аудитория притворяется, что это факт. Причем притворство не обязательно искреннее, а даже чаще неискреннее, но выгодное экономически, социально, политически или как-то иначе. Будь моя воля, то я оставил бы понятие фейка только применительно к этой постмодернистской игре последних двух десятилетий.

Золян С.Т.: Такой вопрос: Псевдо-Дионисий – это фейк или не фейк? Если мы его так и пишем, что он «псевдо».

Тульчинский Г.Л.: Ну какой же он Дионисий, если он Псевдо-Дионисий.

Ильин М.В.: Нет, это уже потом отрегулировали так. Но все же верили и «знали», что Дионисий. А сейчас так же верят, что Псевдо-Дионисий. А вот когда министр иностранных дел Польши Витольд Вашиковский утверждает, что провел переговоры с представителями Сан-Эскобара, то это уже фейк [7]. И сторонники его политические, и противники ведут игру – речь не о правде или истине, а о выгоды: ты можешь предстать либо эффективным политиком, либо никуда не годным, совершенно не компетентным. Я оставил бы фейк только вот за этой постмодернистской игрой этих последних двух десятилетий.

Золян С.Т.: Я хочу привести современный пример фейка. Вот на митинге выступает дедушка погибшего солдата и к чему-то призывает, а на самом деле он никакой не дедушка солдата. Да, там стоит такой благообразной старик и от имени дедушки вещает, то есть он псевдо-дедушка.

Ильин М.В.: Но он мог бы быть дедушкой солдата. Мог бы. Вот на этом игра и строится. Одни вопреки логике хотят верить, что дедушка, а другие не поверят, даже если будут бесспорные подтверждения. Это еще неудачно называют пост-правдой. Помните, у Галича – «как мать говорю и как женщина...»

Золян С.Т.: А почему тогда Псевдо-Дионисий – не фейк?

Ильин М.В.: Потому что Псевдо-Дионисий – действительный источник. Его открыли в своей науке классики филологии спустя десять веков. Мыслитель же был такой. А теперь он часть нашей культуры.

Тульчинский Г.Л.: Вот ещё один пример. При жизни никакого Владимира Ильича Ленина не было, все тексты, опубликованные при жизни, были подписаны либо «Н. Ленин», либо «Владимир Ульянов» в скобках «Ленин». Владимир Ильич Ленин появился после смерти. До этого были публикации Владимира Ульянова, Н. Ленина, под другими псевдонимами. Его спросили незадолго до смерти: «Как Вас дальше называть? Ульянов или Ленин?» Он сказал: «Ленин». И искусственно появился Владимир Ильич Ленин, которого не было при жизни этого человека. Тогда «Материализм и эмпириокритицизм» – фейк или не-фейк?

Ильин М.В.: В моей логике это все же игра модальностей. Это спонтанная игра модальностей, когда столкнулись две или три модальности. В жизни так бывает, и тут ничего нет фейкового. А если мы специально выстраиваем цепочку модальностей, чтобы получить эффект нарочитой подделки, если я специально это сделал, если интенция у меня такая, тогда это не просто подделка, а нарочитая подделка, фейк, которой я не стесняюсь и объявлю подделкой. У меня интенция создать выдумку для игры, где ее оценят как мое искусство. Не истину и обман, а мое искусное и искушающее искусство. Искусство жизни и в жизни. Я вольный и опытный человек могу себе позволить модальности выставить и так, и этак, чтобы у меня разные вещи получились. Я ученик Фуко, он первый начал делать эти фокусы. А вот я теперь вам покажу, что Фуко в сравнении со мной ребенок. Он выстроил одну цепочку в одну сторону, а я её выстрою во все четыре направления. Главное, что я могу. Я могу все вывернуть наизнанку.

Тульчинский Г.Л.: Если ты пишешь фикшн, то твори, ради Бога, что и делает Виктор Пелевин, который показывает, что никакого американского полёта на Луну не было. Но если ты претендуешь на статус учёного, то в этом случае ты попадаешь под некоторые критерии сообщества.

Золян С.Т.: Перечисленные случаи они как раз не попадают под фейк. Есть понятие интенции, злонамеренного обмана, а есть определённые модальности, который определены, которые в рамках определённого жанра являются полностью законными. Поэтому художественный вымысел не считается фейком. Одно дело, когда мы в системе воображаемых миров, и там вполне возможно, не нарушая ни законов логики, ни уголовного или какого иного кодекса, переходить, из одного воображаемого мира в другой. Но другое дело, когда мы из системы возможных миров переходим в наш актуальный мир.

Чернявская В.Е.: Ведь всегда в основе всего, в лингвистике текста и текстуальности лежит интенция.

Тульчинский Г.Л.: Вот то, о чем говорил Андрей Александрович, что мы обсуждали... Фейк или не фейк — эта интенция исторична, сегодня это фейк, через десять лет это будет не фейк. Сегодня фейк, а завтра не фейк. Сегодня не фейк, а завтра фейк. Кое-кого вынесут из мавзолея, или ещё что-нибудь сделают, и улицу переименуют. Интенция — это исторический момент, и она зависит от исторического контекста.

Золян С.Т.: Фактически, это сужение системы возможных миров. То, что сказал Григорий Львович, это подтверждает. Под возможными мирами я понимаю не потенциально бесконечное множество, как в классической модальной системе Сола Крипке, а то, чем реально оперируют в процессе коммуникации — мир, принимаемый за актуальный, и его определенные деонтические (должное — недолжное) и темпоральные альтернативы (прошлое — настоящее).

Тесля А.А.: Мне как раз кажется очень полезным оттолкнуться от самой идеи «возможных миров» и от того, что мы имеем дело не только с Крипке — можно отослать сначала к К. Попперу с его тремя сферами. И, исходя из моей области компетенции, я присоединяюсь к тезису, согласно которому «фейк» — это всё-таки сугубо историческое понятие. Мне представляется, что для того, чтобы вообще возник «фейк» как феномен, с которым мы работаем, который мы осмысливаем, нам необходимо движение на уровне онтологических представлений, движение истины.

Нам необходимо, чтобы сама прежняя онтологическая матрица расшаталась — соответственно, это все приходит в движение в XIX веке. Если мы говорим о возникновении фейков, то это может быть описано в свете того, что проблематические онтологии перестают быть достоянием интеллектуалов, и они становятся общим (достоянием), а это движение начинается только со второй половины XIX века.

В этом смысле, если мы посмотрим на то, как устроено общественное сознание в первой половине ещё XX века — то обнаружим достаточно наивную и беспроблемную онтологию. Если мы посмотрим на общественное сознание сейчас, то мы увидим, что там множественные онтологии

не являются чем-то исключительным, они входят в стандартный интеллектуальный репертуар (не исключая, а сосуществуя с наивными онтологиями – в том числе в рамках сознания конкретного индивида). А там, где у нас возникает вот эта множественность онтологий, там, где у нас возникают вот эти все пересечения перспектив, тут у нас как раз и возникает фейк. Потому что до этого момента, когда мы имеем дело с прочными онтологиями, там имеем дело, в конце концов, со стремлением всё свести к бинарной схеме истина/ложь. А пространство неопределённости мыслится, именно на данный момент, как состояние непрояснённости. Это затруднение не онтологическое, это затруднение эпистемологическое, не более того.

Понятно, что оно может вообще быть практически не разрешено, но с онтологической точки зрения оно ни на что не влияет. Как только мы переходим к множественным онтологиям, у нас возникает попперовская третья сфера, третья зона, – и дальше уже разрастание в новых координатах, количественный рост. И в этой, новой онтологической рамке – возникает «фейк» в его отличии от «лжи», «обмана» и т. п. феноменов прежней онтологии. Поэтому я полагаю продуктивным рассматривать его сугубо исторически, не универсализировать – поскольку в противном случае онтологические основания оказываются отброшенными.

Чернявская В.Е.: Интерпретируя фейковость в таком ключе, уместно будет принять во внимание понятие медиального формата, который сегодня стал очень активно обсуждаться. Истинность – ложность, было – не было, фейк – не фейк – всё это получает определённость применительно к тому или иному коммуникативному формату, которому предоставляется привилегия выдвигать какие-то смыслы и задвигать другие. Возможности коммуникативного формата стали дополнительным инструментом выделения сообщения в общем информационном пространстве. Коммуникативный формат – это существенный параметр коммуникативной ситуации, который обуславливает особый характер восприятия сообщения. Новые форматы, а именно, пространство интернета, всеобщей сети породили особого рода социальное расслоение: есть так называемые «пролетарии», получающие готовую информацию из масс-медиа, и «элита», управляющая информацией. Или как это образно сформулировал немецкий социолог Норберт Болц, люди поделились на тех, кого показывают по телевизору, и тех, кто смотрит телевизор. Сегодня колоссальное значение получает проблема лингвистического конструирования прошлого. Опираясь на лингвистические стратегии, можно конструировать образ прошлого. Скажем, что можно противопоставить высказыванию бывшего президента США Барака Обамы: «Мой дедушка освободил Освенцим»? Фактом является то, что Освенцим освободила советская армия, и, следовательно, дедушка Барака Обамы должен был бы быть в рядах советской армии. Он же, видимо, имел в виду, что его дедушка освобождал другой лагерь смерти во Вторую мировую войну, очевидно, Маутхаузен, потому что это единственный лагерь, который освободила только американская армия. Выходит, что приоритет «удостоверить» истину получает именно медиальный формат, доступ к информационному каналу.

Согомонян В.Э.: Я хотел бы сконцентрироваться на понятии события. Вне события анализ фейка может быть только субъективным. Как показывает опыт последних лет, современное общество, несмотря на появившуюся доступную возможность верификации, тем не менее, продолжает быть институционально предрасположенным к потреблению информации об интересных и сенсационных не-событиях – к потреблению сплетен, например. Общество допускает функционирование недействительных (но интересных) событий наряду с действительными. По-видимому, есть некая область потенциальных событий, которые то или иное общество условно считает возможными и готово «потреблять» информацию о них в качестве правдивой через публичный дискурс. В обществе существует интенция потребления интересной неправды, выданной за правду, и участия в ленивой, не требующей быстрых результатов, но занимательной (как брейн-ринг) игре распознавания – правда эта новость или неправда? Таким образом, общество обладает определенной степенью интенции к потреблению событий-фейков (сродни эффекту Барнума – когда

людям хочется верить в потенциальную ложь, которая тем не менее создает либо позитивный имидж, либо обрисовывает позитивную перспективу).

В этом контексте, как мне кажется, будет актуальным рассматривать фейк, прежде всего, как ложное событие. Событие, которое не произошло, но которое было заявлено в публичном дискурсе неким автором или транслятором как произошедшее. Фейк в его расхожем понимании – есть любое событие публичного дискурса, которое в процессе семиозиса и верификации не обнаруживает референцию к реальности. Не вызывает доверия у адресата в силу сомнительности определенных атрибутов, однако, в то же время, не может быть сразу опровергнуто из-за неочевидной ложности.

Ложное событие задает параметры истинного, так как, бытуя в качестве постоянной естественной оппозиции к истинному, определяет его атрибутику, стиль и т. д. То есть адресанту, транслятору надо сообщать об истинном событии таким образом, чтобы оно вдруг не сошло бы за ложное (чтобы модальности сработали бы правильно). И, соответственно, наоборот – автору ложного события надо наделить фейк атрибутами истинности. Фейк – это, прежде всего, подражание правде, причем подражание, скажем так, талантливое, умелое, мастерское, в обратном случае никакой это не фейк, а обычная ложь.

Аудитория сообщений (сообщество адресатов) фрагментирована (эксперты-лидеры общественного мнения и их «умная» аудитория, обыватели, молодежь и др.), и каждый из фрагментов идентифицирует правдивость vs ложность сообщений о событиях, исходя из разных критериев и атрибутов. Из последних выделю, например, форму (пост в ФБ, передовица газеты, тв-репортаж), авторитетность автора, надежность источника, критерий общедоступности и значимости (если я не общедоступен и не значим, транслируемая мною информация, равно как и созданный мною фейк остается незначимым, недостойным ни внимания, ни верификации).

Рассмотрю уже использованный пример. Дед Обамы освобождал Освенцим – это неправда для эксперта и его умной аудитории. Для них он мог участвовать разве что в освобождении Маутхаузена. Пропозиция этого сообщения – дед президента США освобождал узников фашистского концлагеря – есть правда для остального подавляющего большинства, и это для них действительно есть правда, а не фейк еще и потому, что президент США не стал бы говорить неправду на столь чувствительные темы. Здесь можно было бы сказать, что политикам свойственно лгать, и что президент Никсон один из самых известных лжецов в истории, но об этом вновь знают преимущественно эксперты и их аудитория.

В итоге, фейк регистрируют эксперты и верификаторы, а подавляющее большинство адресатов ставят знак равенства между фейком и не-фейком. Обратный пример: для верящего в освобождение дедом Обамы Освенцима усредненного обывателя какое-нибудь заурядное заявление того же президента Обамы о том, что он надеется на то, что на заседании ФРС США не будет поднята ставка рефинансирования – чистой воды фейк, ложное событие, потому что «все они одна контора и все это надувательство».

Главный вывод из рассмотренного: фейк без возможности верификации и не проверенный экспертными системами – это правда (цинично назовем его «дееспособным фейком»), а правда без верификации и анализа эксперта – потенциальный фейк («недееспособная правда»). В современном обществе событие как (не)правду часто конструируют авторитет (автора, транслятора, формы, критика, и т. д.) и (без)участие эксперта, а не критерии истинности.

В этом контексте хотел бы обратиться к феноменам базовой действительности и действительного смысла – существуют ли они в публичном дискурсе объективно? Не являются ли они базовыми и действительными лишь с позиции знающего (в самом широком смысле этого слова) наблюдателя, при этом находящегося лишь в некоей определенной позиции? По Лейбницу, сущностных истин значительно меньше, чем истин существования. Борис Ельцин несколько лет был Президентом России, это сущностная истина, и дееспособный фейк здесь невозможен. Все

остальное — истины существования, из которых могут получиться отменные фейки: пользовался двойником, вел тайные переговоры с Саддамом, хотел сбросить атомную бомбу на Вашингтон — невероятное раздолье для искажения базовой действительности и действительного смысла!

В современном обществе у любого события несколько жизней, и одна из них — обязательно фейк. Очередной парадокс сегодняшнего мира.

Тульчинский Г.Л.: Более того, каждое конечное существо, может в Инстаграме, ВКонтакте, где угодно, представить свою онтологию и что-то утверждать. И потом ещё возникает сообщество. В связи с развитием цифровых технологий коммуникации возникает противоречие», между правом личности на свободу слова (чреватым разрастанием фейковых новостей, постправды, практиками травли и буллинга) и правом личности на тайну личной жизни, защиту репутации. Впору вспоминать об античной паррессии (буквально — «всеговорение», говорить публично всю правду и быть готовым понести за это гонения), которой Мишель Фуко отказал в существовании в наше время переизбытка безответственной информации [8]. В этом случае акцент переносится с оценки истинности на отношение к истине, на феномен «взятия слова» и ответственности за высказанное, способное вызывать негативную реакцию аудитории — как отдельных адресатов, так и целых сообществ. Таргетирование канала фейка очень важно. В искусстве можно почти все — есть свободная и провокативная игра смыслов. В науке, в политике — нет. То же происходит, когда информацию, допустимую в ВКонтакте, Твиттере или Спид-инфо, публикует ИТАР-ТАСС, а то и МИД.

Чернявская В.Е.: Форма становится фактором выдвижения смысла. Форма в значении коммуникативного формата. Если раньше, скажем, в XVIII веке это была книга, то сегодня это уже связано с другим. Здесь опровержение или продвижения своего контента и своего дискурса уже связано не с доказательностью истины, но с теми медиальными ресурсами, которые позволяют овладеть форматом.

Золян С.Т.: Привилегии на продвижение информации существуют чуть ли не с первобытнообщинного строя: у кого-то был доступ к каналам информации и право быть адресантом, у других этот доступ был ограничен, а попытки говорить жестко пресекались. Вспомните Гомеровского Терсита: за попытку взять слово он получил от Одиссея удар жезлом по голове.

Чернявская В.Е.: Но сегодня эта привилегия у коммуникативного канала. И авторитет конструируется, опять же, социальной практикой.

Золян С.Т.: Здесь у нас будет понятие ложного авторитета. Для меня информация в Фейсбуке недостоверна, а для кого-то может быть достоверна

Чернявская В.Е.: Псевдо-, квази-, да, авторитета. в этом случае получается, что ваше слово против моего, и, следовательно, важным будет то, какие ресурсы бросаются на выдвижение позиции. И к тому, что вы говорили: ты профессор — и я профессор, у тебя журнал — и у меня журнал...

Золян С.Т.: А как Вы свяжете уже с ориентацией Бахтина на карнавальность? «Фейковые» короли — шуты (троли) — но все это ради утверждения «не-фейкового» порядка.

Тульчинский Г.Л.: Вот именно — порядка... Шуты, карнавал — это встроенный в культуру взгляд на нее извне, из аута позиции внеаходимости. Всякое осмеяние — контекстуально, выход за рамки системы, взгляд извне. В этом и заключается важность смеховой культуры, позволяющей остранять профанное. Карнавалы — институционализованные прорывы, окна из профанного в сакральное. Не менее важны были юродивые. Они могли осмеивать традиционно важное, делать то, за что другим рубили головы. Потому что им была доступна эта позиция внеаходимости. А поскольку absolute Out is God, их и воспринимали как «божых людей» (сумасшедшие=божедомцы).

Так что это не фейки, а институционализованные традиционными культурами, регламентированные (время, место, персоны) остранения, освежения смысловых образований. Нынешние же тролли, фейки — не институционализованы (даже в СССР были специальные жанры

эстрады, сатирические журналы – все знали, что это специальное место и время для практики осмеяния, не имеющей отношения к новостям).

А теперь резьбу сорвало. Каждый сам себе шут и юродивый. От пранкера до пресс-секретаря МИД, а то и президента (конечно же – США).

Золян С.Т.: По-моему, естественный переход... Президент (власть) вначале занимает позицию блогера. Затем – тролля. После чего, лишаясь (или же отказываясь от властных атрибутов канала передачи информации (метафизических – они же и магические), становится фейком и источником фейковых новостей и даже событий. Пример: корейские переговоры Трампа, регулярные перформансы («лайвы») Пашиняна и т. п.

Ильин М.В.: А самое ужасное, заключается в том, что у нас уже стали совершенно политически корректны два принципа равенства и суверенитета личности, которые разрушительны с политической точки зрения, во всяком случае, для прав человека, демократии, конституции и т. д. Григорий Львович только что приводил пример, что я могу в Instagram, скажем, если я суверенная личность, заявить любую нелепость, которую кто-то хотел бы услышать. Вот сейчас ты можешь мне рассказывать что-то о Крипке, а я в ответ выскажу, при этом никогда его не читая, свою версию тебе, и заявлю, что Крипке (Saul Kripke) – это ключевая фигура заговора сионистов. И всё. Найдутся желающие цитировать как бесспорный факт. И ссылаться еще на источник.

Куликов С.Ю.: Такого рода высказывания подпадают под определенные нормы закона.

Золян С.Т.: Но Крипке от этого фейком не станет. Это твоё представление, радиус действия которого ограничен рамками доверяющей тебе аудитории.

Ильин М.В.: Конечно, ограничен контекстом, но именно это ограничение и означает, что я создал именно фейк. Я создал крипковский заговор сионистов. Мне необходимо (вот она одна из модальностей, о которых говорил раньше) как пропагандисту подтвердить наличие заговора. Вижу философа-еврея. Объявляю его заговорщиком. Вот он фейк. Сам Сол Крипке тут ни при чем. И я это все сделал. Не я один, а вся аудитория, не просто верящая (модальность), но и желающая (еще модальность), чтобы заговор существовал. Но бывают и более сложные случаи, чем наш воображаемый пропагандист. Но теперь вообразим – еще одна фантазия, что я (опять о себе, чтобы кого ненароком не задеть) знаю, кто такой Крипке, вовсе не считаю его сионистским заговорщиком, что это все мой стёб. Я хихикаю в кулак, что кто-то купился и поверил. Мне даже смешнее, что я знаю, кто такой Крипке. И не только знаю, но и с восторгом читал его сочинения о модальной семантике. Это тоже будет фейк, но я бы сказал второго порядка, изоциренный.

Золян С.Т.: Здесь мы переходим к тому, что в одном и том же высказывании говорят различные «Я»: «я» – агент говорения, и «я» – тема говорения. Благодаря подобной двойственности возможно создать фейковое «Я», именно так, как Пушкин создал Белкина. Вспомним парадокс Мура – почему противоречиво высказывание «Идет дождь, но я так не считаю». Любая фраза, которую я сейчас говорю, она предполагает пресуппозицию «я считаю» и «я говорю». Но, утверждая, что сейчас идет дождь, я создаю фейковое «я», якобы-говорящего, который якобы считает, что идет дождь, а слушающие не в состоянии распознать, что это не я, а мой фейк.

Если бы профессор Ильин действительно считал, что теория Крипке – результат заговора сионистов, это не было бы фейком, это было бы его мнением, а ссылка на это мнение – уже фактом («профессор Ильин считал, что теория Крипке – результат заговора сионистов»). Я считаю, что, допустим, на Луне растут ананасы. Это моё мнение. Но если я так не считаю, тогда я создам какого-то другого «Сурена», который якобы так считает. И вот здесь появляется фейк. Так возникают и парадоксальные цепочки «Сурен говорит, что идет дождь, но он так не считает; но если он так говорит, значит, он так считает». Это приводит к невозможности определить истинностное значение исходного высказывания, но не самого по себе, а именно в устах Сурена: считает ли он так (тогда это заблуждение) или не считает (тогда это фейк).

Куликов С.Ю.: С точки зрения криминалистической экспертизы – не сказали фразу «я так считаю» или «это моё мнение», и попали под статью о разжигании межнациональной или иной розни...

Я хотел бы привести небольшую историческую справку с точки зрения компьютерной обработки фейка. Значительный рост количества публикаций по автоматическому обнаружению фейков начался относительно недавно. В компьютерной лингвистике он начался где-то в 2001-2002-м годах, когда в Интернете массово стали появляться фейковые отзывы о ресторанах, о книгах, об отелях, обо всём, что угодно. И исследователи стали выяснять, как определить, что же является по формальным критериям фейком, выясняли для разных языков, в основном всё делалось на американском варианте английского. Выявили, что в фейковых отзывах другая частота местоимений, другая длина текста, непропорциональная разница между положительной частью и отрицательной, слабая корреляция между оценочной лексикой и звёздочками, которые ставятся пользователями [9]. Но сейчас это направление отошло в компьютерной лингвистике на третий или четвёртый план.

Сейчас выделились именно те три момента, о которых сказал Сурен Тигранович. Первый, это факт-чекинг, проверка достоверности. И сейчас это во многом даже становится неким автоматизированным инструментом для проверки статей в ряде зарубежных издательств типа Блумберга или ВВС. Но на тех, которые не попадают под критерии новостных молний, breaking news и так далее, такую проверку провести технически невозможно.

Второй момент, это определение идеологически направленных текстов, что текст написан о каком-то явлении с точки зрения палестинцев, или с точки зрения израильтян, или с точки зрения демократической партии США или республиканской партии США, и так далее.

Появилось ещё и такое понимание, что «фейк – не фейк» – это то, что отражает или не отражает мою точку зрения. Из известных личностей это чаще всего встречается в высказываниях Дональда Трампа: не нравится мне CNN, FoxNews или ещё что-нибудь – это фейковые новостные агентства; все, что меня устраивает, – это не фейковые. Такой пункт обвинения в фейковости также становится мейнстримом в онлайн-медиадискурсе.

Относительно авторства и фейка логика, скорее, будет чуть-чуть другая. Есть автор, есть псевдоним, есть коллективный автор, то, что как раз касается различных аккаунтов, которые ведут большие компании и агентства, и есть аноним, анонимный автор, он тоже имеет определенные свойства, и с ними в отдельных случаях борются. У человека может быть условное альтер эго, один и тот же индивид может быть представлен как две-три личности, которые ведут себя в медиапространстве по-разному, и с этим тоже большая часть социальных сетей борется. Если, например, с одной фотографии попробовать сделать два или три аккаунта в каком-нибудь Инстаграм или Фейсбук, то, скорее всего, через довольно короткое время все аккаунты будут заблокированы.

Таким образом, с фейками борются на двух уровнях. Первый уровень – это наднациональный уровень, уровень конкретного технического устройства, или социальной сети, или ресурса, где происходит автоматическая и полуавтоматическая модерация и блокировка фейковых аккаунтов. Относительно недавно Фейсбук после предположительного вмешательства в американские выборы заблокировал несколько сот тысяч аккаунтов, которые связывали с Россией.

И, второе, в этой связи также происходит законодательное ограничение распространения фейковых новостей. При этом что подразумевать под фейком, сказать сложно. Например, есть пакет отечественных законов, которые обобщенно называют «законом о фейковых новостях», и соответствующие ему поправки в административный кодекс. Именно в такой формулировке задавали вопрос президенту в ходе прямой линии, а на деле они называются ФЗ-30 «О внесении изменения в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» и ФЗ-31 «О внесении изменений в статью 15³ Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» от 18.03.2019. В принципе, они не только о фейковых

новостях. 30-й ФЗ буквально гласит, что за распространение информации, которая порочит органы государственной власти, представителей органов государственной власти и символы Российской Федерации — требуются санкции прокурора или какие-то сходные вещи на блокировку и удаление данного контента. В принципе, это отчасти наднациональный принцип [10].

Подведу итог, что не все то фейк, что в СМИ называется фейком. Закон о фейковых новостях в принципе не полностью соотносится с теми определениями, которые мы привели. Потому что человек может заявить, что какой-то человек с властными полномочиями нарушил закон, и по закону № 30, вроде как человек оскорбил лицо, которое наделено властью, и подпадает под закон и должен по Административному кодексу РФ заплатить штраф. Но при этом этого же самого человека, которого он обвинил, через день могут арестовать по подозрению в том же самом. И вот тут вопрос, а где был фейк? И вот в этой связи у нас такое довольно своеобразное правоприменение. Кроме того, как сказал наш уважаемый Президент в послании Федеральному собранию, на его взгляд, этот закон должен распространяться только на вторую часть, а, именно: на оскорбление символов государственной власти Российской Федерации — герб, гимн, флаг и так далее, и, возможно, ещё что-то¹.

Возникает парадоксальная ситуация. Например, некто в условной социальной сети говорит, что губернатор Н. взяточник. Теперь он подпадает под пункт административного кодекса, который гласит, что согласно с изменениями в законе об информации, собственно говоря, нарушением законодательства является проявление неуважения к представителям власти. На следующий день, или, скажем, через десять минут того человека, который был обвинён во взяточничестве могут реально арестовать по подозрению в этом самом взяточничестве.

Зоян С.Т.: Здесь, возможно, проблема не фейковости, а неопределённости слова «порочить». Поэтому обоих должны арестовать — одного за взяточничество, другого за то, что он говорит об этом.

Куликов С.Ю.: Но дело в том, что клевета — это другая статья: Ст. 128 УК РФ: «Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию».

Зоян С.Т.: А «порочить» — это что-то другое. Прочитируем классика: «я правду о тебе расскажу такую, что будет хуже всякой лжи». Можно порочить, говоря правду.

Куликов С.Ю.: Здесь отдельная статья Уголовного кодекса [РФ] о защите чести и достоинства человека.

Зоян С.Т.: Я имею в виду семантику слова. «Порочить» вовсе не имеет пресуппозиции «говорить неправду», а указывать на порок. Здесь я вижу вот такую интересную контаминацию, современного и архаичного: власть сакральна, поэтому её нельзя порочить. Сказать о губернаторе, что он взяточник, безотносительно к тому, взяточник он или нет, есть посягательство на десакрализацию власти.

Ильин М.В.: Это не сакральности касается, а того, что пока человек является должностным лицом, ты не можешь ему ничего сделать, у него иммунитет. В современной политике это заключается в том, что не ты не подлежишь преследованию или наказанию. Почему Карлу Стюарту отрубили голову, потому что «the King cannot do wrong», король не может ошибаться. У нас Карл ошибся, а как он не король, голову рубим. Губернатор не может быть взяточником, но кто-то другой может быть взяточником, значит, мы его сначала разжалуем из губернаторов. Я говорю сейчас о логике. А логика нарушается и получается инверсия.

¹ Дополнение от 23.05.2020: 1 апреля 2020 г. в УК РФ появились новые статьи — 2071 (Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан) и 2072 (Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия), дополнившие статью 207 (Заведомо ложное сообщение об акте терроризма) в части представления ложной (фейковой) информации в УК. Таким образом можно констатировать, что на законодательном уровне фейковая информация в России относится как к административным, так и уголовным преступлениям, а критерием разграничения служит «критерий ущерба» — репутационный ущерб относится к ведению КоАП, а финансовый (требующий потенциального вмешательства силовых структур, в том числе с целью предотвращения паники среди населения) — к ведению УК.

Золян С.Т.: Здесь получается очень интересный момент. Понятие «порочить» и «фейковость» оказываются связанными. Значит, есть какие-то институты, которые нельзя порочить. Можно ли порочить университет? Не клеветать, а именно порочить.

Чернявская В.Е.: Нельзя, мы подписываем о том, что нельзя

Золян С.Т.: Кто-то подписывает, а я, неподписавшийся, могу порочить.

Ильин М.В.: Мы как представители, между прочим, академии, мы университет не можем порочить, так как это то, что нас самих объединяет, но мы можем порочить какой-то конкретной университет, который нарушает эти принципы.

Чернявская В.Е.: Критиковать, а не порочить.

Золян С.Т.: Если мы берём слово порочить — это из тех перформативов, которые по Вендлеру, есть иллокутивное самоубийство. Если я говорю, что я вас порочу, это значит то, что я сам делаю свое высказывание недействительным, поскольку я тем самым раскрываю мое намерение — нанести вам ущерб. Хотя здесь непонятно, если я говорю правду, которая пусть и порочит репутацию и деловую честь, но тем не менее правду, то в каком смысле мы это считаем фейком?

Тулчинский Г.Л.: В PR есть позитивная технология и негативная технология [11]. Позитивная технология — это когда я формирую свой имидж, поднимаю себя, а негативная — по отношению к другому, прежде всего, — конкуренту. Не обязательно себя поднимать, можно конкурентов опускать. Однако если я буду распространять о них ложную, недостоверную информацию, буду заниматься инсинуациями, то это будет «черный пиар» — фактически, фейки. Но я могу публиковать о них негативную информацию достоверную, подтверждаемую фактами. При этом я могу выполнять важную социальную функцию, разоблачая нечестного политика, недобросовестный бизнес.

Ильин М.В.: Мне кажется, что это слово «порочить» возникает в связи со словом порок. И оно означает очень простую вещь — то, что ты указываешь на порок. Говоришь вот это вот — значит порочишь. Но потом у этого слово появляется двойник, а, может быть, омонимия, которая является тем, что в первоначальном смысле я просто указываю на порок, на то, что что-то порочит, а, может быть, у него уже есть двойник, который означает, что я что-то выдаю за порок. Это разные же вещи. А мы эти слова употребляем как языковую форму, как одно и то же. А на самом деле там два слова разных.

Золян С.Т.: Примечательно, что закон о недопустимости порочить власть, в народе и даже сам Президент называют законом о фейковых новостях. То есть, уподобляются друг другу фейк и недолжный дискурс о власти.

Куликов С.Ю.: Президент не сам употребил, это было в вопросе, заданном ему.

Золян С.Т.: Он же ответил по существу, значит, он понял, о чем идёт речь. Тем самым, возможны три связанных позиции: 1) я разоблачаю; 2) а ты говоришь, что нет, ты не разоблачаешь, а ты порочишь; 3) и суд будет рассматривать, это клевета или нет. Потому что можно опорочить, говоря правду. Здесь мы выходим на то, что фейк и порок оказываются связанными с системой ценностей.

Чернявская В.Е.: А также с системой институциональных конвенций.

Золян С.Т.: Причем конвенций, получающих юридическое оформление: о ком можно плохие вещи говорить, а о ком нельзя. Таким образом, мы выходим на теорию перформативов с их условиями удачности и эффективности речевого акта. Разоблачать — это не является иллокутивным самоубийством [12], а вот «порочить» — помимо этого, еще и административным правонарушением.

Согомонян В.Э.: На мой взгляд, фейк в его расхожем понимании — есть любой актер публичного дискурса, которому не удалось доказать свою: а) подлинную референтность, б) компетентность, в) ответственность. Если сравнить фейк с «автором» в теориях Бахтина и Тынянова для того, чтобы сразу показать самое существенное сходство, то и фейк имеет две априорно предполагаемые подлинности — истинную (сверх-субъект/носитель некоего концепта публичного

дискурса, который говорит через подставного носителя роли) и ложную (сам физический фейк, некто Иван Иванович как фреймовый – и в этом фрейме обладающий свойством конвенциональности для других акторов дискурса – персонаж). При этом, интересно заметить, что по правилам этого незамысловатого спектакля (конечная область значений, по Шютцу), его участники безусловно принимают эту условность и считают ложного автора истинным, а истинного – лишь предполагаемым. И только тогда, когда актер (извините – актёр) начнет говорить от собственного лица или же на сцену выйдет реальный актер – тогда фейк исчезнет, уступив место подлинному автору текста и совпав с ним. Не потому ли сейчас в моде селфи на фоне чего-то, так как это «что-то» можно скопировать, смонтировать и т. д., а селфи (вкуче с демонстрацией момента времени by default через настройки телефона) есть то самое утверждение подлинности? И если в литературе этот вопрос уходит на третий-четвертый план (Шекспир или Рэтленд – не суть важно, ведь автор – это сама литература в ее сконцентрированности в некоем условном авторе), и после прочтения текста, после совершения «акта культуры» может вообще не волновать потребителя, то в публичном дискурсе вопрос авторства не может быть проигнорирован в той же степени, ведь очень важно КТО автор текста.

Некомпетентность и безответственность – еще две характеристики фейка. Вновь сравним с автором, но уже со знаком минус: в отличие от фейка, не мог автор литературы (той, которую мы считаем настоящей) не суметь написать стоящую вещь или подписаться под неграмотно написанным текстом, в котором сюжет с середины пропадает, и нет фабулы и финала. А фейк может, ведь ему институционально не хватает подлинности, за ним есть элемент игры или карнавала, который непреодолим. Например, такой «сюжет»: ведь это не Трамп встречается с Ким Чен Ыном, это его «послали» туда ОНИ, чтобы под шумок повернуть нечто более важное, скажем, в Иране или Украине.

Теперь ещё раз про подлинность. Вспомнил фразу императора Юстиниана о том, что, мол, римский народ умножился, каждого по отдельности спросить невозможно, так что давайте спросим его представителей – сенаторов. Теперь же, хоть «народ» в мире умножился до невозможного, тем не менее, каждого из них можно опросить – благо есть личные аккаунты в социальных сетях. Получается, что возможность есть, точно так же, как раньше была такая возможность на городских площадях. И даже при понимании того, что в этой толпе могут быть фейки, тем не менее любой крик с площади может считаться подлинным голосом из народа (хотя может кричал не «настоящий» человек, а провокатор, лица-то не видно). При этом кричащий некомпетентен (несет всякую ахинею) и безответственен (просто – не несет никакой ответственности за свои слова, максимум может получить тумака от соседа по площади). Вот вам и фейк.

Ещё один, на мой взгляд, важный момент. Совокупность фейков – существующих и выступающих на той или иной более или менее авторитетной площадке в Сети – есть не что иное, как воображаемое и доступное к восприятию общество, а совокупность их действий (лайков, дизлайков, комментариев и др.) есть конвенционально легитимное (!) общественное мнение, побуждающее индивидов (и власть) к конкретному социальному действию. Это успешная имитация социального давления по Бергсону, а если в комментариях этих фейков есть и пассионарность – то и любовный порыв. Не могу не поддаться соблазну и не привести пример: на площади у дворца прокуратора собрались исключительно подосланные Каиафой люди и кричат «Варрава», но это фейки, а истинно народное мнение, возможно, что было в пользу Иисуса. Заметьте: никакой ответственности для фейков (как символично что они безликие!), это зона ответственности первосвященника как субъекта-концепта и автора идеи/идеологии, адресат действия – полномочный наместник Рима, которому для исполнения правосудия нужен легитимный и публичный пассионарный «народный» акт.

Тульчинский Г.Л.: Варр-ава – это сын отца. Так что не известно еще, кого имела в виду толпа в Иерусалиме, и кто и как это проинтерпретировал.

В одной из дискуссий мы пришли к выводу, что фейковость применительна только к конкретному социуму, который и выступает сувереном отбора «правды». Тогда же у меня выработалось определение, которое показывал Михаилу Васильевичу: фейк — это безответственная информация на актуальную тему для сообщества, интерпретируемая в плане формирования неадекватной картины мира этого сообщества. Неразоблаченный в глазах этого сообщества фейк таковым не является.

В этом плане — любое сообщество — реальное. И если ему очень надо, то оно из чего угодно делает основополагающий миф. Из ордынского сатрапа сделает святого, который в иконописи будет воевать с татарами. В истории остаемся не мы, а легенды о нас, писал Виктор Шкловский [13].

Согомонян В.Э.: Соответственно, если автор литературного произведения может быть признан незначительным, или ненужным, или усреднённым, или «умершим» и т. д., и при этом его произведение может потерять лишь в некоторых деталях контекста и интерпретации, при этом оставаясь валидным в самых разных смыслах этого слова, то фейковый автор «социального произведения» своим существованием и произведением субституирует социум и играет значительную роль в цепи коммуникативных, социальных и всяких других возможных действий конкретных индивидов, социальных и политических групп, наконец — власти.

А где же настоящее, реальное общество? Воздадим дань классикам: оно умерло, не выдержав бремени сверхиндивидуализации (прямо вопреки алармизму Ортеги-и-Гассета) и экстериоризации....

Тулчинский Г.Л.: Именно это я и имел в виду под «сорвало резьбу». Некомпетентность и безответственность равняются неинституционализированности. Это не «проклятый постмодернизм» (который суть следствие маркетизации всего и вся), и не «проклятый Интернет». Это освоение людьми новых технологий коммуникации. Стремительных и массовых. Было очень романтично. Стало очень противно и даже опасно. И теперь за такими ребятами стали приходиться. Без особого разбора, ломая судьбы... Что очень и очень плохо. Но в какой-то степени неизбежно. Это процесс. Как говорил один мой выпускник, его общение с криминалом очень способствовало его нравственной зрелости. Он впервые понял, что слово — поступок, и что «за базар надо отвечать».

Золян С.Т.: Мы приближаемся к тому, что в случае фейковости определяющим оказывается фактор адресата, образ адресата и здесь вновь парадоксально возникает Бахтин с его концепцией *нададресата*. Ему, а не отправителю сообщения решать, что есть фейк и подлежит блокированию, а что — информация и требует реагирования. Понятие фейка следует связать с политической коммуникацией, то есть достижением некоторых эффектов по изменению мира в результате перформативных актов и акций.

Ильин М.В.: Вынужден как внешний критический наблюдатель пойти против течения. Да и по убеждениям тоже. Мне преувеличенный интерес к фейкам кажется непродуктивным. Дело в том, что фейки, как и все теньевые феномены — карнавалы, например, — вообще существуют и, тем самым, значимы не столько сами по себе, сколько относительно базовой действительности и действительного смысла. Тот же карнавал, сатурналия и прочие подобные штуки по сути дела лишь временная затея, освежающая базовый рутинный порядок. Без него они теряют всякий смысл. Более того — они невозможны. Фейки и карнавалы можно, конечно, изучать сами по себе, но в крайне узкой перспективе, для весьма специфических исследовательских задач и, выражаясь метафорически, с крайней близорукостью и краткостью дыхания. А как известно, каждый слышит, как он дышит. На коротком дыхании большого пути не пройти, больших проблем не решить. Только мелочи.

Золян С.Т.: Это верно, но только применительно к узкому пониманию фейковости. Но само явление, — пусть малая, но часть вопроса, а есть ли, и если есть — то что есть истина? Что есть истинный мир и что есть *майя*? Манихейство и гностики — вот истинные борцы с фейковостью мира. А я в этом вопросе тыняновец — явление надо изучать в минимуме условий. Так что из этих

забав мы можем выйти на что-то серьёзное. Напомню мое сравнение: фейк подобен сорняку – растению, которое выросло не там, где положено. Так что понятие деонтической модальности распространяется не только на содержание, но и на все остальные факторы коммуникации – на канал, на участников и даже на цели. Мы снова по кривой вышли на фактор адресата. Отсутствие или фейковость адресата торпедирует коммуникацию или же делает фейковым процесс коммуникации в целом. Но это неожиданно высвечивает очень интересную особенность – фейком может быть и текст, и «автор» текста, но при этом коммуникация может быть эффективной. Но вот фейковость адресата убивает коммуникацию. Это уже не коммуникация, а её имитация или даже муляж. Так что главный фактор – адресат? На нем оказывается все завязанным?

Доведём ситуацию до абсурда. Реальный отправитель сообщения (другой вариант – бот) отправляет некоторое сообщение (фейк или не фейк – уже не определимо или не важно, или рассмотрим обе возможности) ботам и получает в ответ от ботов некоторые сообщения. Будет ли это коммуникацией?

Между тем эту операцию вполне можно представить – как процедуру выявления фейков и ботов – по получаемому ответу. И тогда она становится осмысленным действием – событием и поступком. За это власти могут и орден дать, и по шее – так что это вполне социально-политическое действие. Сергей Куликов говорил, как в реальной практике такие ситуации могут выглядеть. Вопрос – возможна ли коммуникация при фейковости адресата? И второй – куда более трудный – что есть и как проявляется фейковость адресата?

Авторство не столько отношение собственности (как у Фуко), а именно ответственности. За указы президента несет ответственность он, а не разработчик. Но безответственность в политике это не только характеристика субъекта, но и адресата. *Народ безмолвствует*. Причем это может быть и насильственный акт. «Громите речию свободной // Все тех, кому заткнули рот!» (Ф.И. Тютчев).

Тулчинский Г.Л.: Любой поступок ответственен. Если не понимаешь, «не подумал», то тебе припишут. Особенно там, где бизнес, науку, общественную деятельность, религию понимают только в терминах УК. Создал компанию, НКО – значит имел умысел, создал группу... Но массовое освоение Интернета создало ситуацию массового приписывания и домыслов. И правоохоронители создают вторичный рынок приписываний, пользуясь выгребной ямой фейков. Иногда подливают туда жидкость для розжига.

Проблема авторства – не совсем проблема фейка, хотя и пересекается с этой последней... Автор может перенять стиль письма (не только в литературе, но и в живописи, музыке, в любом творчестве), может заимствовать стиль (как, похоже, сделал Пастернак), может создать автора-рассказчика (Ницше, Эпштейн), в конце концов, он создает себя – как автора. Михаил Бахтин решал вопрос об авторе, исходя из религиозно основанной метафизики бытия и существования. Он же метафизик-персонолог, вынужденный заниматься этим на материале филологии. Все остальные поиски автора – суть правовая проблема собственности – конвенциональная и институционально заданная культурным контекстом. Недаром Лев Толстой так не любил авторство и собственность.

В любом случае фейк – это не текст, а прагматика: канал, адресат, намерения автора изменить смысловую картину мира адресата, разоблачение этих намерений суверенным (для адресата) авторитетом, экспертом.

Белецкая Т.В.: Мне также кажется, что мы широко интерпретируем понятие фейка, в результате чего, у нас складывается та же ситуация, что и с понятием истины, когда возникает необходимость выделить и типологизировать различные варианты его понимания.

Особый интерес представляют социальные аспекты признания чего-либо фейком. В современных условиях, когда потребитель медиаконтента может быть максимально удалён от порождающей его реальности как в социокультурном, так и, буквально, в физическом пространстве, у него практически отсутствует возможность достоверной проверки того или иного факта, ново-

сти, сообщения и тому подобное. Тем не менее, внутренне сохраняется необходимость в упорядочивании и маркировании этого информационного хаоса. И тогда на этот процесс определения фейковости могут оказывать влияние различные социальные группы, *значимые другие*, то есть личности, служащие неким эталоном и ориентиром для индивида и т. д. Факт достоверности и недостоверности той или иной информации может раскрыть специалист, эксперт, а иногда, возможно, и не эксперт, но весомая социальная фигура — политик, актёр, общественный деятель, тот, кого мы признаём авторитетом.

Таким образом, открытым для исследования остается как раз этот процесс определения фейка с позиции самого потребителя. С социологической точки зрения было бы продуктивно выделить те критерии, которыми руководствуется сам индивид в определении фейков. Интересную пищу для размышлений здесь даёт игра «Bad News Game», в которой игроку сначала предлагается пройти тест на определение фейк новостей, потом выступить собственно их создателем, набрать фолловеров и так далее, а в конце игры необходимо пройти тест ещё раз. Собранная программой статистика демонстрирует, что, пройдя игру, участники намного успешнее справляются с данным тестом. В этом свете возникает вопрос о возможности обучения медиа аудитории распознаванию фейков.

Золян С.Т.: Хотя под фейком мы обычно не автора имеем в виду, а новости, но, тем не менее, в Америке заблокировали именно аккаунты, то есть отправителей сообщений и их каналы. Что было критерием блокировки? Что там не было под аккаунтом какого-то реального человека, или то, что он писал какие-то пророссийские вещи, или критиковал Демократическую партию или Хиллари Клинтон?

Далее, что касается распознавания. Одно дело, если это политические новости, но могут быть ещё новости такого типа: «В калининградском зоопарке крокодилица родила тройню». Будет это информация считаться фейком?

Чернявская В.Е.: Будет, если мы разделяем экспертное знание и бытовое знание. В любом дискурсе, будь то политический дискурс, рекламный дискурс и так далее, есть свои эксперты. Безусловно, фейк идентифицируется и для нас лингвистов именно с точки зрения экспертного знания.

Ильин М.В.: А если ты ещё эти вещи под рубрикой «1 апреля» публикуешь, то все нормально.

Куликов С.Ю.: Ещё кликбейт-заголовки.

Тульчинский Г.Л.: В таблоидах можно что угодно говорить, а в деловой прессе — нет, и в научных изданиях — нет.

Чернявская В.Е.: Здесь под видом доказательного знания, научного знания может подаваться квазинаучная информация, которая может быть распознана как фейк только с опорой на эксперта.

Куликов С.Ю.: Задача, которая обычно заключается в распознавании любой такой классификации, двойная. Первое, узнать, насколько люди согласовано между собой распознают одно и то же. Второе, насколько компьютер может распознать фейк, превосходит он человека в распознавании или нет, какие классы компьютер лучше распознает, чем человек, а какие человек лучше, чем компьютер, а дальше идёт условная градация по возрасту, полу, стране, первый язык, второй язык и так далее.

Белецкая Т.В.: Я с этим согласна, я говорю даже не о том, что сейчас люди стали лучше разбираться, что является фейком, а скорее о том, что у них начали появляться сомнения. И тот факт, что они не всегда могут разобраться в том, правда или неправда перед ними, рождает определённое напряжение, с которым наверняка сталкивались и мы все. Мы читаем и слушаем новости и испытываем напряжение, потому что уже не так просто определиться с тем, можно ли доверять этой информации, как это было раньше.

Тульчинский Г.Л.: Мне кажется, что понятия фейка очень связано с темой слухов и новостей, потому что слухом и новостью является не любая информация. И фейком тоже является не любая

информация. Слух порождает информация, которая затрагивает большой круг людей, обычно это что-то связанное с какими-то экзистенциональными угрозами, с политическими угрозами, с экономическими угрозами. Это и то, что касается звёзд, известных людей, то, что касается, межличностных отношений, особенно межгендерных, какие-то кадровые назначения. Если я скажу, что у меня левая пятка чешется, то это ни у кого из присутствующих не вызовет интереса. А если я скажу что-то связанное с какой-то компрометирующей информацией знакомых коллег, перспективой увольнения, то она тоже тут же будет на слуху. То есть, информация должна быть какой-то «отзывчивой», которая вызывают у собеседника определенные чувства.

Чернявская В.Е.: Это связано, опять же, с социальной включённостью.

Тулчинский Г.Л.: По поводу достоверности-недостоверности может оказаться полезным привлечь концепцию справедливости Люка Болтански: в любом сообществе есть несколько базовых этосов, в которых есть свои представления о ценностях, свои представления об успехе, свои представления о провале и т. п. И при этом – существенно различные [2]. Сам Болтански выделяет этосы: рыночный (бизнес), статусный (это военные, чиновники), этос вдохновения (священнослужители, артисты художники), научный этос. В каждом из них совершенно разные представления о достоверности, представления об успехе, представления о провале и так далее. И у каждого из этих этосов свои каналы информации и коммуникации, они друг дружку не читают, не смотрят и не слушают. И, наконец, есть какой-то общий этос и каналы информации, которые объединяют весь социум и которые носят общественно политический характер.

Золян С.Т.: Я к своему вопросу хочу вернуться, к практикам распознавания: на основании чего в США были закрыты эти двести тысяч аккаунтов?

Куликов С.Ю.: Это очень просто делалось. В первую очередь, определялось поведение бот-аккаунта в социальной сети, т. к. по правилам отдельные группы ботов, распространяющих информацию, допустимы (например, проект The Bot Platform). Для части этих бот-аккаунтов бралось IP пользователя, в случае Facebook это был идентификационный номер региона. Далее то, в чем они участвовали, то есть какие хэштеги они распространяли, в какие группы добавлялись. Затем их взаимосвязь между собой, и ещё проверяли используемые финансовые схемы, а также аномально высокий рейтинг по лайкам, репостам и иным характеристикам. То есть применялись традиционные методы определения ботов и фейковых аккаунтов.

Золян С.Т.: Попробуем обобщить: определяли по содержанию и особенностям коммуникации (лайки, репосты, IP). Это вписывается в семиотическую схему. Но некоторые не имеют отношения ни к семиотике, ни к коммуникации – кто какие финансы получал. Здесь мы опосредованно выходим на фейковую интенциональность.

Деньги, заговор – это предполагает некоторую интенциональность, некоторую цель, раз наличествует средство (деньги). Кто за этим стоит, кто деньги платит? Деньги платят не просто так, а имея намерение, о чем мы уже ранее говорили. А много лайков просто так не бывает – значит, есть основания считать их не искренними, а оплаченными, фейковыми. При этом рассматривалась огромная совокупность сообщений, индивидуальный фейк, видимо, не попадал в поле зрения. Тогда обязательно появляется момент организованности.

А как квалифицировались случаи, когда удавалось распознать, что сообщения были созданы или же тиражированы компьютерной программой? Этого достаточно, чтобы квалифицировать подобные случаи как фейки? Даже если там содержится исключительно правдивая информация?

Куликов С.Ю.: Нет, в данном случае это квалифицировалось как бот, распространяющий фейковую информацию. А Фейсбук проверял, кто за ботом стоит. Потому что существует также масса разрешенных рекламных ботов, продвигающих какие-то товары и т. д.

Золян С.Т.: Ещё очень интересно, что они по месту расположения IP смотрели. Есть пространство, которая рассматривается как чужое, и значит, что, если что-то исходит из этого чужого пространства, значит, это несёт в себе опасность и угрозу.

Куликов С.Ю.: Там ещё интересней. Там есть условно так называемое «серое пространство».

Золян С.Т.: Это серое пространство — это пространство между двумя мирами?

Куликов С.Ю.: Обычно серое пространство — это там, где самые дешёвые серверные мощности.

Золян С.Т.: По мифологическим схемам в серых зонах располагаются трикстеры. То есть, хакеры — это современные трикстеры, которые распространяют фейки. Мы вышли на архетипы. Здесь не столько логика, сколько архетипы работают. Разработчики этих анти-фейковых программ должны основываться на некой мифологеме, например, заговора тёмных сил, и поэтому мотив пересечения границ здесь очень хорошо сработал.

Белецкая Т.В.: Мне кажется очень ценным с практической точки зрения, что новостные фейки всегда обладают схожими характеристиками. Соответственно, их можно определённым образом анализировать стилистически, семантически или как-нибудь ещё. Их видно, они выделяются на фоне других новостных сообщений, примером могут быть те же кликбейт-заголовки. Поэтому интерес представляет природа создания новостного фейка и то, что его отличает от, скажем, обычного новостного сообщения, например, большая эмоциональность и так далее. Мы можем выделять эти характерные черты и их анализировать.

Куликов С.Ю.: Мы не сможем ловить фейки такого рода, например, как некролог на живущего человека. Где-то напечатали по каким-то данным, что умер однофамилец какого-то известного человека, проживающий где-то. Кто-то это увидел, и пишет, что умер известный человек.

Белецкая Т.В.: А, может быть, мы все же сможем обнаружить, сможем распознать, что это фейк. Мне кажется, что важнейшую роль в этом будет играть опыт. После того как мы не раз столкнемся с фактом того, что подобные сообщениями могут быть фейком, у нас, возможно, появится некая «прививка» против фейковости. То есть, когда нет подобного опыта, ты, конечно, поверишь подобному некрологу, но если ты сталкивался с тем, что это может быть ложной информацией, то в дальнейшем ты будешь меньше ей доверять и, возможно, её проверять.

Золян С.Т.: В Армении было подобное событие, когда появилась новость, что Пашинян умер. На самом деле Пашинян умер, но другой Пашинян, не премьер. Видимо, тот пользователь, который эту новость распространил в соцсетях, рассчитывал на то, что остальные подумают, что умер именно тот всем известный Пашинян-премьер. Значит, здесь помимо известности, должна быть также событийность: смерть малоизвестной личности общественным событием не является. Фейковость относилась не к содержанию, а скорее к тому, что называют конвенциональными импликатурами и максимумами релевантности и количества Грайса: о другом Пашиняне эту информацию не стали бы распространять; о другом Пашиняне должно быть ясно указано, кто он; если не сказано, значит, это тот самый. Каналы и способы передачи информации создают фейковость, хотя сама пропозиция истинна [14].

Чернявская В.Е.: Необходимы наличие самой этой ситуации, самого этого интертекста, интердискуссии и помещение в контекст.

Золян С.Т.: В результате из семантики переходим в поэтику. Те проблемы, которые мы здесь поднимаем, они там хорошо изучены: проблемы высказывания, проблема авторства, повествователя, лирического героя, жанров, создание новых миров.

Куликов С.Ю.: Ещё один есть момент, касательно того, что говорилось про сообщения с вымогательством и так далее. Сейчас появилось другое популярное явление, что вот я там написал, это на самом деле не я написал, а меня взломали. И это очень интересный подход, в некотором смысле манипуляция. Мол, ребята, это не я, это кто-то меня взломал, и все, что там писалось, не имеет ко мне отношения. Это актуально в части привлечения человека к ответственности. Ну, не я это, не меня надо привлекать, а кого-то ещё.

Тульчинский Г.Л.: Мы ничего не найдём, пока не начнём говорить о том, что есть какие-то игры, связанные с социализацией, с социальной формой. В какие-то языковые игры люди играют всерьёз, а в какие-то — не всерьёз. Без намерения, вбрасывающего определённый контент, и

без определённого контекста воспринимающего, без адресата, который может это воспринять всерьёз и начать распространять. Либо это манипуляция, либо это люди, которые попались на крючок. Можно сказать, что фейк – это безответственная информация?

Золян С.Т.: Да, можно. Это не только безответственная информация, это и попытка уйти от ответственности. Часто она достигается путем фейковой цитации – приписывание моих слов несуществующему источнику.

Куликов С.Ю.: Вот тут возникает ещё один момент фейковости. Вы сейчас рассматриваете фейковость в контексте достоверности и недостоверности. Ещё есть одна трактовка фейковости в контексте интерпретации данных. То есть, кто-то свои данные позиционирует с позиции условной республиканской партии США. И все заслуги демократической партии замалчиваются, но при этом никто их не отрицает. Возникает односторонность подачи информации, и она в некотором смысле тоже является фейковостью. В компьютерной лингвистике обнаружение такой информации выделилось в отдельное направление – определение идеологической направленности текста. Казалось бы, там никакой фейковости нет, но за счет того, что все факты трактуется под определённым идеологическим углом, картина мира переворачивается кардинально.

Золян С.Т.: Это понятие распределённой идентичности, как она проявляется у бактерий. Оказывается, у бактерий в колонии есть распределённая идентичность. Мне кажется, что, когда о сети говорим, там тоже что-то вроде таких бактерий возникает с распределённой идентичностью. Пример с условной республиканской партией показателен – сеть создает возможность распределённой идентичности, где сливаются адресант и аудитория, сообщение и комментарий, канал и адресант. Безусловно, фейковость в этом случае приобретает совсем иной характер, особенно при взгляде извне и изнутри. Как видим, еще одна тема, относительно которой нет однозначного решения.

Подводя итоги обсуждения. Нам пришлось затронуть множество тем, и итог скорее отрицательный. Мы убедились, несмотря на распространенное мнение, фейковость не связана непосредственно с критерием истинности. Это явление лежит скорее в сфере прагматики, причем в значительной степени прагматики адресата, а не адресанта. При этом фейковость связана не столько с содержанием высказывания, сколько с теми намерениями, которые адресат приписывает адресанту – это либо злонамеренность, нанести кому-либо ущерб (почему фейки столь упорно ассоциируются в общественном сознании с *порочающими* сведениями), либо, напротив, с намерением адресанта добиться неза заслуженной выгоды. Правда, это не столько адресат сообщения, сколько институциональный адресат, над адресатом, по Бахтину [15, с. 305], или же *Третье отделение*, по формулировке Г.Л. Тульчинского. Его можно определить как институт, определяющий (или наделенный полномочиями определять) удачность перформативного компонента высказывания – считать ли его полноценным высказыванием или же фейком. И тогда уже применительно к конкретным случаям можно выделить, какие типы отношений между компонентами речевого акта оказываются *фейковыми*, то есть сдвинутыми относительно некоторой стандартной («настоящей») модели – это может быть как содержание, так и модальности, цепочки говорящих, канал передачи, даже место высказывания («серая зона»), вплоть до самого адресата.

УЧАСТНИКИ КРУГЛОГО СТОЛА

Белецкая Татьяна Витальевна – социолог, преподаватель Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (г. Калининград), beletskaya.t@gmail.com

Золян Сурен Тигранович – доктор филологических наук, профессор, профессор Института гуманитарных исследований Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права НАН Армении, г. Ереван, гл. редактор журнала «Слово.ру: Балтийский акцент».

Ильин Михаил Васильевич — доктор политологических наук, кандидат филологических наук, профессор Высшей школы экономики, Москва, профессор МГИМО (У) МИД РФ, mikhaililyin48@gmail.com

Куликов Сергей Юрьевич — кандидат филологических наук, ведущий лингвист отдела лингвистики Департамента когнитивных технологий АО "Ай-Теко", sukulikov@gmail.com

Согомонян Виктор Эрнестович — доктор политических наук, кандидат филологических наук, профессор МГИМО (У) МИД РФ, victorsoghomonyan@gmail.com

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, старший научный сотрудник, научный руководитель Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, AnATeslya@kantiana.ru

Тулчинский Григорий Львович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербургский государственный университет; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.

Чернявская Валерия Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, tcherniavskaia@rambler.ru

РНФ проекта № 18-18-00442, «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках (применительно к авто- и мета-репрезентациям «себя» и «другого» в социальной и политической коммуникации)», осуществляемого в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сёрль Дж. Логический статус художественного дискурса // Логос. 1999. № 3 (13). С. 34–47.
2. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. Очерки социологии граждан. М.: НЛО, 2013.
3. Лотман Ю.М., Пятигорский А.М. Текст и функция // III летняя школа по вторичным моделирующим системам: Тезисы, Кяэрику 10–20 мая 1968, под ред. Ю.М. Лотмана. Тарту: ТГУ, 1968. С. 74–88.
4. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.
5. Золян С.Т. А был ли автор? «Антология анонимных текстов» и проблема автора в современной поэтике // Иностранные языки в высшей школе. 2017. № 3 (42). С. 20–33.
6. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины, М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 15.
7. Сладкевич Ж.Р. Медиаобраз Сан-Эскобара в пространстве вымышленных миров: семиотический ракурс // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10. № 2. С. 73–103. DOI: 10.59-22/2225-5346-2019-2-7
8. Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982–1983). М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2010.
9. Liu В. Sentiment Analysis: Mining Opinions, Sentiments, and Emotions. CUP, New York, 2015.
10. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Канон+, 2012.
11. Ольшевский А.С., Ольшевская А.С. Негативные PR-технологии. М.: Инфра-М, 2004.
12. Вендлер З. «Иллокутивное самоубийство». Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 238–250.
13. Шкловский В. Сентиментальное путешествие. Воспоминания 1917–1922. М.-Берлин: Геликон, 1923.
14. Чернявская В.Е. Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 17 (1). С. 135–147. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.109>
15. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Статья поступила в редакцию 01.05.2021.

REFERENCES

- [1] **John S. Searle**, Logicheskiy status khudozhestvennogo diskursa [The logical Status of fictional Discourse], Logos. 3 (13) (1999) 34–47.
- [2] **L. Boltanski, L. Teveno**, Kritika i obosnovaniye spravedlivosti. Ocherki sotsiologii gradov [Criticism and justification of justice. Essays on the sociology of grads], M.: NLO, 2013.
- [3] **Yu.M. Lotman, A.M. Pyatigorskiy**, Tekst i funktsiya [Text and function], III letnyaya shkola po vtorichnym modeliruyushchim sistemam: Tezisy [III Summer School on secondary modeling systems: Theses], Kyaeriku 10–20 may 1968, ed. Yu.M. Lotman. Tartu: TGU, 1968. Pp. 74–88.
- [4] **Aristotel**, Poetika. Ob iskusstve poezii [Poetics. About the art of poetry]. M.: Gosudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoy literatury [State Publishing House of Fiction], 1957.
- [5] **S.T. Zolyan**, A byl li avtor? “Antologiya anonimnykh tekstov” i problema avtora v sovremennoy poetike [Was there an author? “Anthology of Anonymous Texts” and the Author's problem in Modern Poetics], Inostrannyye yazyki v vysshey shkole [Foreign languages in higher education], 3 (42) (2017) 20–33.
- [6] **P.A. Florenskiy**, Stolp i utverzhdeniye istiny [The Pillar and Affirmation of Truth], M.: Pravda, 1990. Vol. 1. P. 15.
- [7] **Zh.R. Sladkevich**, The media image of San Escobar in the space of fictional worlds: a socio-semiotic perspective, Slovo.ru: Baltic accent, 10 (2) (2019) 73–103. DOI: 10.5922/2225-5346-2019-2-7
- [8] **M. Fuko**, Rech i istina. Lektsii o parresii (1982–1983) [Speech and truth. Lectures on Parrhesia (1982–1983)]. M.: ID “Delo” RANKhiGS, 2010.
- [9] **B. Liu**, Sentiment Analysis: Mining Opinions, Sentiments, and Emotions. CUP, New York, 2015.
- [10] **N. Luman**, Realnost massmedia, M.: Kanon+, 2012.
- [11] **A.S. Olshevskiy, A.S. Olshevskaya**, Negativnyye PR-tekhnologii [Negative PR technologies], M.: Infra-M, 2004.
- [12] **Z. Vendler**, “Illokutivnoye samoubiystvo”. Novoye v zarubezhnoy lingvistike [“Illocutionary suicide”. New developments in foreign linguistics], Lingvisticheskaya pragmatika [Linguistic pragmatics], M.: Progress, 16 (1985) 238–250.
- [13] **V. Shklovskiy**, Sentimentalnoye puteshestviye. Vospominaniya 1917-1922 [A sentimental journey. Memoirs of 1917–1922]. M.-Berlin: Gelikon, 1923.
- [14] **V.Ye. Chernyavskaya**, Metapragmatics: When the author brings meaning and the addressee context. Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 17 (1) (2020) 135–147. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.109>
- [15] **M.M. Bakhtin**, Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity], M.: Iskusstvo, 1979.

Received 01.05.2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / THE AUTHOR

Золян Сурен Тигранович
Zolyan Suren T.
E-mail: surenzolyan@gmail.com

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2021